

Зайцево

Ничем не выделяется Зайцево среди десятков других сел и деревень, стоящих на трассе. Серые старые избы, некоторые из них заколочены. Безлюдно. Лишь стоят на обочине дороги мужчина и женщина. Он в короткой коричневой куртке и военных пятнистых брюках, она в драповом клетчатом пальто. Перед ними два больших ведра. Одно с картошкой, другое с клюквой. Могут целый день простоять, прежде чем купит кто-нибудь из проезжающих. А могут и не купить. В скольких селениях мы уже видели людей на обочине? Не пикник привел их сюда, а нужда.

Оглянитесь на пройденный нами путь: оставленные на произвол судьбы сотрудники научного института ловят рыбу в реке и сутками стоят на дороге, чтобы ее продать; церковнослужители на пожертвования прихожан открывают школу, собирают и учат там беспризорных детей; старики, собравшись с силами и скромными средствами, выкапывают в селе колодец; директор школы, чтобы обеспечить обедом учеников, посылает их к местным фермерам подрабатывать; у Вышнего Волочка сотни людей с хрустальными изделиями, выданными вместо зарплаты, выходят на трассу в надежде эту «зарплату» еще и продать; глава сельской администрации, чтобы исправить водопровод, покупает бутылку водки и нанимает слесаря; пенсионерка, получающая скудную пенсию, отзывается и берет на попечение несчастную и заблудшую семью; люди из десятков сел и деревень идут в лес, собирают ягоды, грибы, продают их на дороге, а на эти деньги живут... И так далее, без конца.

Спрашивается: при чем тут государство, власть, правительство? Какое все они имеют к этому отношение? Какова роль наших кремлевских начальников во всей этой жизни, точнее, в этой ежедневной борьбе за возможность жить?

Но вот, умирает от менингита ребенок, родители которого не смогли купить ему на зиму теплую шапку; погибают под колесами

жители сел и деревень, потому что нет в населенных пунктах, через которые проходит скоростная трасса, ни светофора, ни пешеходного мостика, ни тоннеля; умирает молодая женщина, потому что из-за задержки зарплаты у нее не хватает денег на дорогие лекарства; вот двух подростков-братьев сажают в тюрьму за кражу медного кабеля, а их мать на грани самоубийства; вот академик пускает себе пулю в висок из-за невозможности продолжать жить унижаясь... И так далее, без конца. Надо ли спрашивать: «При чем тут государство, власть, правительство?» Наше государство не имеет никакого отношения ко всему, что относится к жизни. Жизнь в стране проходит сама собой, без него. И напротив, государство имеет прямое отношение ко всему, что относится к смерти. Почти всякая смерть – производная деятельности этого государства и этой власти. А папки в вышневолоцком ЗАГСе показывают, что и несостоявшаяся жизнь – тоже на его счету...

Вот о чем думалось, когда я со стороны глядел на одинокую пару зайцевских торговцев, безнадежно стоявшую на обочине дороги.

Единственное, на чем останавливается глаз, пока проезжаешь через эту деревню, – отремонтированное здание с четырьмя колоннами, находящееся справа от дороги. Обходя его, я вышел к деревенской библиотеке, расположенной здесь же, в старом деревянном доме. Удивило, что она есть и исправно работает. Вот только свет в этот день в библиотеке почему-то отключили. Поскольку погода была пасмурной, в избе оказалось совсем темно. Посетителей, кроме меня, не было.

Библиотекарь, Нина Михайловна, проводила меня в читальную комнату, где я, осмотревшись, попросил рассказать историю Зайцево. Однако, вместо рассказа, Нина Михайловна положила передо мной обычную школьную тетрадку. Вроде той, какую мне подарили в Яжелбицах. Сама же, извинившись, отлучилась по каким-то делам. Я остался один в темной библиотеке, с тетрадкой, в которой «от руки» записана история Зайцево. Вот ее изложение.

Согласно зайцевской летописи, люди в этих краях живут испокон веков. Поселения здесь существовали еще тысячу лет назад и даже раньше. Центр древнего погоста находился в шести верстах к юго-западу от Зайцево, у речки Ниши. Здесь проходила древняя Яжелбицкая дорога на Москву. Есть сведения, что Иван III, следуя в Новгород в

1477 году, останавливался у церкви Св.Никола в Тухолях. Церковь эта не сохранилась, но, спустя два века, там была построена деревянная Никольская церковь, считающаяся шедевром деревянного зодчества. В XVIII веке в Зайцево перенесли большой храм из Усть-Волмы. В 1495 году Зайцево составляли пять тягловых дворов. Эти пять хозяйств сеяли ржи одиннадцать коробов – где-то пудов двести; косили сена восемь колен – от полутора до двух тысяч пудов; имели пашни четыре ржи – это до сорока гектаров. Платили в то же время помещикам шесть денег – где-то миллион рублей на конец 1996 года, если вообще такие сравнения возможны; да плюс к тому из выращенного хлеба отдавали пятую часть; да еще отдавали ключнику – слуге в помещичьем доме, в ведении которого находились продовольственные запасы и ключи от мест их хранения, – «три большие головы сыра, да три горсти льну». (Что такое «горсть» – я пока не выяснил.)

Год от года Тухольский погост богател, а Зайцево становилось его центром. На одной иностранной карте конца XVII – начала XVIII веков у верховьев реки Ниши указан город *Zaithsoff*. Любопытно, что Зайцево, по мнению западного географа, входило в шестерку городов новгородской земли. Во всяком случае, Зайцево, по нашим понятиям, в то время было не деревней, а большим селом.

В 1844 году в Зайцево была открыта школа новгородской Палаты государственных имуществ. В том году в этой школе работали учитель и учительница, а обучались 32 мальчика и 17 девочек. Вообще в этой школе, как сообщается в летописи, начали свое образование 1863 человека. С Зайцево связаны десятки учительских судеб. В 1881 году сюда приехала бестужевка Софья Ивановна Хрипач, дворянка, в строгом черном платье с белейшим воротником. И учила на совесть, и нрава была безупречного. Поэтому ее запомнили надолго.

В конце XVIII века Зайцево стало волостным центром, который имел 127 дворов и ровно столько же домов, в которых проживали 642 жителя. Здесь была церковь, школа, волостное правление, почтовая земская станция, квартира станового пристава, четыре мелкие лавки, три трактира и одна винная лавка. В начале октября и в июле проводились торговые ярмарки.

У А.Н.Радищева деревня эта упоминается как *Зайцово*, с ударением на последний слог. Существует версия, что когда-то здесь неподалеку была расположена усадьба помещика Зайцева. И поэтому на памяти старожиллов деревня звучит уже как «Зайцево». Если это так, то мы имеем любопытный факт, когда, похожая на название села, фамилия помещика невольно явилась причиной трансформации названия деревни. Живший здесь помещик попал в трудное положение: надо было либо менять фамилию на Зайцов, либо переименовать деревню. Поскольку помещик в деревне был царь и бог, то вопрос, скорее всего, сам собой разрешился. Люди просто стали называть деревню по фамилии помещика.

Географически деревня расположена на границе валдайской возвышенности. Местность здесь очень красивая. В лесах вокруг Зайцево много болот, богатых клюквой. Почвы здесь суглинистые, кислые. (Вот отчего были хлебные проблемы у Новгородской республики!) До наших дней сохранились названия многих мест и урочищ, расположенных на территории Зайцево: Петунова Нива, Малышова и Панфилова Нивы, Калинин Амбар, Мощева Горушка – там, где сейчас располагается трактир «*Любава*».

В те далекие годы в деревне проживали более трехсот человек. В основном это были крестьяне, которые, заметим, в Зайцево всегда были вольными. Занимались здесь хлебопашеством. Землю делили по едокам. В деревне было несколько лавок, которые держали купцы Окулов, Мороз, Рыжов и купчиха Бубнова. Рыжов, кроме этого, держал еще чайную лавку. Были кустари-ремесленники. Люди работали от зари до зари. Как сообщается в зайцевской летописи, «зарабатывали на хлеб потом и кровью».

Раньше Зайцево делилось на две части: от центра села в сторону Москвы деревня называлась Зайцево, а в сторону Петербурга – Новое Подметовье. На границе, между частями села, по обеим сторонам стояли четырехугольные столбы. Между ними были вставлены чугунные решетки с изображением двуглавых орлов. В середине этих орлов были начертаны две буквы Н и П (Николай Первый). При Советской власти это все было демонтировано и уничтожено, включая орлов, царские вензеля и самого Николая, только не Первого, а

Второго. (Какой под руку попался.) Престольные русские православные праздники в Зайцево были Покров и Антоний, а достопримечательностью являлась православная церковь Св.Николая Чудотворца и Воскресения Христова. По воспоминаниям стариков, это была красивая большая церковь, с куполами и колоколами, звон которых разносился на многие версты и слышен был во всех окрестных деревнях. Церковь состояла из двух помещений – зимнего и летнего. Летняя церковь открывалась с Пасхи. Здесь сохранилась память о замечательном церковном хоре, которым руководили протоиерей Сергей и диакон Николай...

Иерей: Благодарим Господа.

Хор: Достоинно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней.

Иерей: Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще.

Хор: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполни Небо и земля славы Твоя. Осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних.

Иерей: Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.

Хор: Аминь.

Иерей: Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов.

Хор: Аминь.

Иерей: Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся.

Хор: Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш...

Протоиерей Сергей похоронен здесь, на зайцевском кладбище.

В 1937 году церковь закрыли. Были сняты купола, сброшены колокола. Церковь стала сначала кладовой, позднее – клубом. Там же находилась зайцевская библиотека. Сейчас в этом, недавно отремонтированном, здании расположен Дом культуры. Именно на него я и обратил внимание, когда только въехал в Зайцево.

В летописи сообщается, что строителям, переоборудовавшим бывшую церковь в Дом культуры, никак не удавалось уничтожить лики

святых, коими были расписаны стены. Сколько слоев краски ни наносили – лики эти все равно проступали и местами видны до сих пор. Существует легенда, по которой эта церковь должна со временем провалиться под землю, а на её месте будто бы должно образоваться озеро. Так что, проезжая через Зайцево – посмотрите направо: если однажды увидите водоем, вместо здания с колоннами, значит, легенда претворилась.

Советская история Зайцево здесь еще на памяти живых свидетелей. Первым председателем сельского Совета был товарищ Пельтцер, имя и отчество которого никто не помнит. Был он человеком строгим, и люди его попросту боялись. Первый колхоз образовался в 1932–1933 годах. Назывался он символично – *«Перелом»*. Первым председателем колхоза был товарищ Муравин, впрочем, в летописи оговаривается, что это еще не точно. Зато точно известны имена первых зайцевских колхозников: Андрей Петрович и Анна Петровна Полуэктовы.

Анна Петровна вспоминает: «Муж мой был заядлым колхозником. Позднее стал бригадиром, а потом и председателем колхоза. Он погиб на финской войне, в последний ее день». Не обошлось в Зайцеве и без вредительства. В летописи сообщается: «В середине тридцатых (в 1934г.) в колхозе было много крепких и очень хороших лошадей. Сейчас уже трудно сказать, кто дал такое заключение, но только признали вдруг всех лошадей больными. Самых породистых и крепких расстреляли в лесу за деревней. А место, где расстреляны и зарыты лошади, называлось Конским кладбищем».

Все ли сегодня поймут, что такое в то время деревня без лошадей? В те годы в стране полным ходом шли репрессии. Докатались они и до Зайцева. Были репрессированы Николай Львович Мосичев и Мефодий Петрович Мощев. Мосичев был учителем в местной школе, в прошлом офицер русской армии, невысокого роста, черненький. Это был, по свидетельству местных жителей, очень хороший человек, но очень больной. Жил он в Зайцеве с женой и двумя детьми – дочерью Марусей и сыном Котиком. Все в деревне любили и жалели его. А Мощев был кузнецом. За что репрессировали учителя и кузнеца, летопись не сообщает, но лишь упоминает, что «с тех пор

никто больше ничего о них не слышал и не видел». Как было в стране – так и на селе.

В 1934 году была создана художественно-строчевая артель. Имени председателя артели уже никто не помнит, но зато помнят, что и его тоже репрессировали. А сама артель работала еще долго. Позднее в клубе была открыта библиотека и создан хор, который выступал и перед односельчанами, и в других деревнях. Какие песни пели? Разные. Но с особенной любовью вот эту:

*Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.*

*Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелось сердце огнем.*

*И припомнил я ночи иные,
И родные поля, и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.*

*Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...*

Зайцевский хор даже ездил на гастроли в районный центр Крестцы, а руководил им, как сообщается в летописи, Анатолий Александрович Колотухин. Первая школа в Зайцево была приходской трехлетней. Учителем был Александр Иванович, фамилию которого не помнят. Обратите внимание: у первого советского начальника, которого боялись, односельчане запомнили лишь фамилию, забыв имя и отчество, а у учителя, которого уважали, как раз имя и отчество

запомнили. Так вот, при этом учителе была построена новая двухэтажная, большая и красивая школа, в которой до осени 1990 года училось не одно поколение жителей Зайцево. А осенью 1990 года, по неизвестной для местных жителей причине, эта школа, «большая и красивая», сгорела.

1941 год. Война не обошла Зайцево, подвергавшееся частым бомбардировкам. Много домов было разрушено, да еще почти в каждый из них пришла похоронка. Вокруг, в здешних лесах, были наши войска. Недалеко отсюда был госпиталь. На зайцевском кладбище есть воинские братские захоронения.

Закончилась война. Люди отстроились. Жизнь в деревне продолжалась с новыми заботами. Колхоз «*Перелом*» переименовали в «*Серп и Молот*», позднее он станет колхозом «*Россия*», а еще позже – совхозом «*Зайцевским*». Первым директором этого совхоза был Сергей Иванович Никулин, заслуженный агроном страны. После войны в Зайцево открылась школа-семилетка с интернатом для жителей окрестных деревень. Долгое время директором этой школы был Аркадий Александрович Стручков, а интернатом заведовала его жена – Александра Александровна. Зайцевская летопись упоминает, как в 1945-46 годах в эту школу совсем молоденькими девушками пришли по распределению Анна Сергеевна Егорова, Александра Ивановна Морозова, Вера Михайловна Зенина, да так и остались здесь, в Зайцево. Тогда же, в бывшем доме священника, заработал молокозавод, а в новом двухэтажном здании – участковая больница. Были здесь и своя пекарня, и два магазина, а еще – чайная.

По данным на 1992 год в Зайцево проживал 461 житель. Вели они 185 хозяйств. Значит, по сравнению с концом XVIII века, хозяйств стало на 50 больше, а жителей на 180 меньше. Коренных осталось всего несколько. Основу составляют люди приезжие.

Все эти материалы были собраны в 1992 году со слов старожилков деревни. А записала и обработала их старший библиотекарь Нина Михайловна Калущкая.

А вот, что Нина Михайловна рассказала мне и что пока еще не записано в тетрадку.

Совхоза «Зайцевский» нет уже три года. Его реорганизовали, как убыточный. На его базе возникли два товарищества – «Агро» и «Зайцевское». Последнее с трудом осваивало новые формы и в конце концов развалилось. «Агро» еще существует, хотя люди там подолгу не получают зарплату. Всем очень тяжело. Кроме этих товариществ организовались фермерские хозяйства: братьев Михайловых, Сергея Козина и Александра Васильева. У них вроде бы дела идут неплохо. Они и себя кормят, и других тоже. Но в основном в Зайцево сегодня безработица. Люди становятся на биржу труда в Крестцах и ждут рабочих мест. Взамен сгоревшей школы здесь выстроена новая. На базе детского садика организован детский приют. По словам Нины Михайловны, кормит людей в основном мох. Здесь, как мы уже знаем, в окрестных лесах обильно растет клюква, и люди до самого снега ходят на мох, собирают эту клюкву и на дороге продают. Вот этим собирательством и живут, и если бы не снег, то всю зиму бы собирали. Лес и дорога кормят, как в древние времена. Конечно, есть в Зайцево и подсобные хозяйства. Кто-то держит корову. Фермеры местные год назад попробовали выращивать капусту и вроде бы урожай собрали неплохой. Продажа шла бойко. В этом году уже частники, глядя на фермеров, высадили капусту. Продукции стало больше, а со сбытом проблема. Перепроизводство. Дорога, хоть и длинная, но имеет свои покупательские пределы. Рынок!

Сама Нина Михайловна на редкость тихая, спокойная, негромкая. Ее движения несуетливые и неспешные. Такие больше слушают, чем говорят, а тревоги и переживания держат глубоко в себе и редко ими делятся. Всю жизнь прожила она в этих местах. В библиотеке уже двадцать три года и на другой работе себя не мыслит. Замужем. Двое сыновей, один из которых служит в армии, а другой учится в школе. Муж – безработный, подрабатывает случайными заработками.

Спросил Нину Михайловну, каково ей живется?

– Как всем, – отвечает. – С одной стороны, вроде бы лучше стало жить... Но с другой, сейчас так тяжело стало жить, так тяжело...

Старшего сына в армию не взяли из-за плохого зрения. Что ж, надо продолжать учебу, получать профессию. Нашли в Новгороде платную группу заочников – юристов-экономистов при строительном

техникуме. Осталось найти деньги. А какие у библиотекаря деньги, даже если он и старший? Отец тоже сидит без работы. Тем не менее семья решила: учеба – это будущее, как-нибудь вытянут, тем более сын устроился в школу учителем физкультуры и какую-то зарплату получал. Всю осень семьей ходили в лес на мох, собирали клюкву, а затем на дороге продавали. Нина Михайловна для этого даже взяла отпуск. Кроме того, продали домашнюю картошку, излишки. Наконец, собрали нужную сумму на учебу. Думаете, сколько? Миллион двести тысяч! Чуть больше двухсот долларов! Для кого-то пустяк, а здесь – будущее человека, целой семьи.

Проучился парень несколько месяцев и уже готовился к сдаче первых экзаменов, как вдруг повестка и... забрали в армию. Там ведь тоже служить некому. Так закончилась учеба, рассыпались надежды, пропали денежки, а парень с плохим зрением уже год таскает тачку с углем в армейской котельной. Один за троих. Потому что в армии недобор и каждые руки там на вес золота. Не для боеготовности, а чтобы хоть как-то инфраструктуру поддерживать. Пишет домой письма: «Мама, я все больше задумываюсь над тем, что буду делать, когда вернусь».

– Дай Бог, чтобы вернулся живым и здоровым, а там уж как-нибудь... – говорит Нина Михайловна.

Вот таким мы узнали Зайцево, или по-радищевски – Зайцово. И про то узнали, что в летописи зайцевские не войдет никогда, потому что ни за что не запишет свои переживания Нина Михайловна в тетрадку. Во-первых, потому что это дело личное, а во-вторых, даже для этой деревни они малы и незначительны. Но, представьте, не было бы Нины Михайловны – кто рассказал бы историю Зайцево? Кто бы вел летопись? В таких вот тетрадках записано то, чего, если потеряешь, – не воспроизведешь.

Я где-то слышал, будто выдающиеся ученые из разных стран решили выяснить: какое открытие может считаться самым значительным в истории человечества? Великих открытий множество. И за каждым из них – титан, гений... Галлилей, Коперник, Ньютон, Эйнштейн... И вот, долго выясняя, наконец пришли к единому мнению: самым значительным открытием в истории человечества, от начала до

сего дня, является изобретение письменности. Всего-то! А ведь даже не известно, кто изобрел. Мы до того привыкли пользоваться этим чудом, что для нас письменность является чем-то само собою разумеющимся. Но что такое письменность? Если отстраниться совсем, то это какие-то странные крючки и палочки. Не более. А в действительности – особым способом закодированная информация, для передачи которой ничего лучшего пока не придумали. Вот простенький, попавшийся под руку, стих нашего Александра Сергеевича:

*Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал...*

Для инопланетянина – лишь странный орнамент или необъяснимый узор. Для нас же это целый мир, сотканный из времени и пространства, нашей памяти и наших представлений. И нет такого уголка в целой вселенной, нет такой точки во времени, куда бы мы не могли с вами зримо и немедленно перенестись, лишь глянув на какой-нибудь текст.

Если целостность и неразрывность человеческой истории стали возможными благодаря памяти, то сама память наша – это прежде всего письменность. Вот почему из всех катастроф, которые когда-либо были на человеческом веку, самой трагичной является пожар в Александрийской библиотеке за 40 лет до Рождества Христова. Тогда, при осаде Александрии Цезарем, сгорели около миллиона(!) древнейших рукописей, собранные Птолемеями со всего античного мира. Можно отстроить дворцы, города, страны, империи, даже интеллект искусственный скоро изобретут, но никогда не восстановят исчезнувшую память, сгоревшую в Александрии вместе с древними рукописями.

Представьте, что последний житель Зайцева, заколотив избу, по каким-то причинам покинул свою деревню. Мало ли в этих местах

нежилых деревень и урочищ. Но, даже если останется только эта школьная тетрадка с рукописной зайцевской историей, деревню эту и через тысячу лет не забудут. И через тысячу лет люди смогут узнать о церковном хоре, об учителях, о праздниках и трагедиях, о бестужевке с белейшим воротничком, о других жителях, оставивших след в истории деревни. И наоборот, если понаедут в Зайцево сотни и тысячи новых жителей, культурных и образованных, настроят домов и коттеджей, откроют здесь предприятия и магазины, рестораны и гостиницы, выстроят новые храмы и Дома культуры, а школьная тетрадка эта случайно затеряется, пропадет, – всё, не будет Зайцева!

Вот почему мы кланяемся сельским библиотекарям – и тем, кого встретили на своем пути, и тысячам другим по всей России – и говорим, что нет сегодня более благородной миссии. Они сохраняют нашу память, и не только нашу, для тех, кто придет после...

Я так увлекся размышлениями о роли сельских библиотекарей, что едва не проехал Бронницы. Уже переехав узкий, с односторонним движением, мост, оглянулся и увидел поразительной красоты церковь. Конечно, я тотчас вернулся...

